

А. В. Дмитриев

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА ПОЛЕВЫХ ПОЛКОВ СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ В КОНЦЕ XVIII В.

doi: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-158-166

УДК 94(571)“1798/1799”

ББК 63.3(285)513

В статье предпринята попытка выявления особенностей, присущих проведению военных реформ императора Павла I (1796–1801) в региональном масштабе, на территории Сибири. Рассматривается кадровый состав штаб- и обер-офицерских чинов полевых полков Сибирской дивизии по данным на 1798–1799 гг. Анализируются такие параметры, как возраст и социальное происхождение офицеров, стаж воинской службы и наличие боевого опыта, дисциплинарные показатели. В результате проведенного исследования установлено, что в полевых частях русской армии, дислоцированных в Сибири, получили практическое воплощение отнюдь не все нововведения Павла I. В частности, представители российского дворянства составляли среди офицеров значительную, но не доминирующую группу, причем большинство из них относились к мелкопоместным или вообще не имевшим крепостных. Заметно возросла доля потомственных военных из числа лиц недворянского происхождения, штаб- и обер-офицерских детей. Не подтверждаются ни широко распространенное представление о преобладании в годы правления Павла I на командных должностях иностранцев, ни расхожий тезис о массовом распространении суровых дисциплинарных наказаний в русской армии. Кроме того, в результате проведенных преобразований в определенной мере снизилась боеспособность этих частей, о чем свидетельствуют значительное омоложение кадрового состава их офицерского корпуса и явный недостаток опыта участия в военных действиях у большинства офицеров.

Ключевые слова: *Павел I, русская армия, полевые части, офицерский корпус, Сибирь, конец XVIII в.*

Время правления императора Павла I (1796–1801) на сегодняшний день является далеко не полностью изученным хронологическим отрезком в истории регулярной армии Российской империи. Конечно, нескольким годам павловского царствования уделяется внимание в соответствующих разделах многих обобщающих работ по истории русской армии,¹ однако содержащиеся в них оценки в известной мере страдают неполной аргументацией, обусловленной тем обстоятельством, что авторы очень мало использовали конкретный фактический материал. Обращая внимание почти исключительно на законодательную деятельность императора в военной сфере, введение новых воинских уставов, перемены в обмундировании и пр., исследователи оставляют за кадром те аспекты, которые и показывают состояние во-

оруженных сил государства в тот или иной момент. В первую очередь речь идет о кадровом составе армейских частей и анализе его основных параметров. Полностью отсутствуют как в советской, так и в современной историографии работы, в которых могли бы рассматриваться внутренняя структура, личный состав и повседневные служебные обязанности офицеров и рядовых отдельных воинских частей или армейских контингентов, дислоцированных в конкретных регионах страны. В качестве единственного исключения можно назвать книгу Е. И. Юркевича, посвященную гарнизонным войскам столицы империи — Санкт-Петербурга в годы правления Павла I.² Однако и он практически не уделяет внимания кадровому составу этих войск, заодно признавая, что «военные реформы императора Павла изучены, к сожалению, недостаточно».³

Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем и при знакомстве с публикациями, касающимися положения армейских частей в Сибири на рубеже XVIII–XIX вв. Отдельные упоминания об организационных трансформациях, происходивших с подразделениями бывшего

¹ См., напр.: Керсновский А. А. История русской армии: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 171–182; Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. Очерки. М., 1958. С. 315, 321, 328–329, 427–433; Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801: боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М., 1995. С. 193–224; и др.

Дмитриев Андрей Владимирович — д.и.н., доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
E-mail: khaldeus@academ.org

² См.: Юркевич Е. И. Военный Петербург эпохи Павла I. М., 2007.

³ Там же. С. 208.

Сибирского корпуса при включении их в структуру Сибирской инспекции, содержатся в целом ряде работ, но данных о кадровом составе этих частей мы там опять-таки не обнаруживаем.⁴ Лишь в одной из «полковых историй» начала XX в. значительное внимание на уровне отдельных персоналий уделено офицерам и командирам одного из полков Сибирской дивизии — Иркутского драгунского.⁵ Между тем без изучения кадрового состава хотя бы офицерского корпуса дислоцированных к востоку от Урала воинских частей невозможно, на наш взгляд, ни адекватно оценить боеспособность этих войск, ни определить, каким образом сказались на них военные преобразования, осуществлявшиеся в общеимперском масштабе. А без анализа регионального измерения военных реформ Павла I вряд ли можно судить об их содержании и достигнутых результатах, и уж тем более давать какие-либо обобщающие оценки павловским военным преобразованиям в целом.

Исходя из этого, мы поставили задачей настоящей статьи рассмотреть и проанализировать по ряду параметров кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии на рубеже XVIII–XIX вв. На протяжении почти всей последней четверти XVIII столетия полевые части были представлены в составе Сибирского корпуса в основном батальонными, а не полковыми подразделениями. К 1796 г. они насчитывали девять батальонов — 1-й и 2-й егерские, 3, 4, 5 и 6-й мушкетерские, Екатеринбургский, Семипалатинский и Колывано-Воскресенский пехотные, а также три полка — Ширванский мушкетерский, Иркутский и Сибирский драгунские.⁶ Сразу же после прихода к власти императора Павла I начались преобразования, затронувшие и части, дислоцированные в Сибири. Образованная по «конфирмованному» Павлом 3 декабря 1796 г. расписанию войск 12-я Сибирская дивизия под командованием генерал-лейтенанта Г. Г. Штрандмана состо-

яла уже не из батальонов, а из полков: Екатеринбургский и Семипалатинский батальоны были сведены в Томский мушкетерский полк, 3-й и 4-й мушкетерские — в Селенгинский полк.⁷ В мае 1797 г. 20-й (бывший 2-й) егерский батальон был преобразован в 20-й егерский полк (за счет включения в его состав бывшего Колывано-Воскресенского батальона), 19-й (бывший 1-й) егерский батальон также стал теперь 19-м егерским полком. Бывшие 5-й и 6-й батальоны составили Екатеринбургский мушкетерский полк, который, однако, не вошел в состав Сибирской дивизии, будучи дислоцирован западнее, на Урале.⁸

Списки личного состава всех семи полевых полков Сибирской дивизии, как и прочих частей регулярной армии, находятся в фонде 489 «Формулярные списки и другие материалы о службе личного состава русской армии» Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). К сожалению, за весь интересующий нас период в этом фонде обнаружилось лишь 12 единиц хранения, из которых нами были выбраны списки штаб- и обер-офицеров шести из семи полков, относящихся к 1798–1799 гг. (единственный список личного состава 19-го егерского полка сохранился только за 1800 г.).⁹ Информация, содержащаяся в этих списках, включает следующие параметры (по форме, утвержденной с 1793 г.): фамилия, имя и отчество офицера, его возраст, происхождение (с указанием наличия или отсутствия имений и крепостных душ для дворян), семейное положение (наличие жены и детей), нынешний чин и прохождение чинов за все время службы (с указанием конкретных воинских частей), образование, нахождение под судом и «в штрафах», боевой опыт, «домовые отпуска», нынешнее местонахождение и отметки о достоинстве к повышению.¹⁰ Такой набор параметров представляется вполне исчерпывающим, чтобы нарисовать полную картину того, что представляли собой интересующие нас группы лиц в составе офицерского корпуса полевых частей русской армии на территории Сибири в самом конце XVIII столетия.

В шести полках (Ширванском, Томском и Селенгинском мушкетерских, Иркутском

⁴ См.: Андриевич В. К. Сибирь в XIX столетии. СПб., 1889. Ч. 1. С. 72–114; Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск, 2001. С. 36–40; Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Барнаул, 2005. С. 9–21; Андрейчук С. В. Сибирская инспекция: структура, управление и дислокация (1796–1808 гг.) // Исторический ежегодник. 2010. Новосибирск, 2010. С. 179–190.

⁵ См.: Альбовский Е. А. История Иркутского полка (50-й драгунский Иркутский полк). Минск, 1902. С. 86–158.

⁶ См.: Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2017. С. 171, 172.

⁷ См.: РГАДА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 280. Л. 34.

⁸ См.: Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб., 1900. Ч. 7. С. 10–14.

⁹ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575, 1603, 1619, 1751, 2375, 2573.

¹⁰ См.: Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА. Межфондовый указатель. М., 2013. Т. 1. С. 6, 9.

и Сибирском драгунских, а также 20-м егерском) числились на действительной службе 29 штаб-офицеров (от секунд-майоров до полковников, в это число не включены шефы полков) и 240 обер-офицеров (от прапорщиков до капитанов) — всего 269 чел.¹¹ Из этих 269 чел. 105 принадлежали к российскому дворянству (в том числе 11 чел. в штаб-офицерских чинах), 80 показывали себя штаб- и обер-офицерскими детьми (среди них еще два штаб-офицера),¹² еще 43 чел. были выходцами из различных непривилегированных слоев (включая шестерых штаб-офицеров), а 41 чел. представлял различные нерусские этнические группы. В основном это были «остзейцы» и французские эмигранты, бежавшие в Россию от революции (хотя и не только они), из них 10 чел. в штаб-офицерских чинах, причем один такой эмигрант — граф Виомениль из корпуса принца Конде — даже был назначен шефом Сибирского полка!¹³ В сравнении с выявленными нами показателями по полевым частям Сибирского корпуса 10 годами ранее выясняется, что доля дворян-офицеров практически не изменилась (39 % в конце 1790-х гг. против 41 % в конце 1780-х гг.), зато почти вдвое выросла доля потомственных военных, штаб- и обер-офицерских детей — 29 % против 15 %.¹⁴

Российские дворяне, оказавшиеся на службе в полках Сибирской дивизии, являли собой чрезвычайно своеобразный контингент. Отметим в первую очередь то обстоятельство, что среди них почти не было полноправных владельцев крепостных крестьян: только у 20 чел. (а это менее 20 %) была указана численность состоявших за ними «ревисских душ». На их фоне выделялся, пожалуй, лишь один человек, принадлежавший к знати — 21-летний подполковник Селенгинского полка Евграф Воронцов, числивший за собой в разных уездах Вологодского и Тверского наместничеств 94 души. Единоличным владельцем 50 душ был также его сослуживец, поручик

Павел Цевловский, принадлежавший к роду смоленских дворян.¹⁵ Несколько человек владели именьями с крепостными вместе со своими родными братьями: поручик Сибирского полка Иван Кубасов имел «обще з братьями» 77 душ в той же Смоленской губернии, адъютант Ширванского полка подпоручик Петр Казимеров владел в Костромском наместничестве 36 душами с братом и двоими сестрами.¹⁶

Однако большинство владельцев располагали менее чем 20 душами, то есть были собственниками таких имений, на доходы с которых прожить было фактически невозможно. Даже достижение штаб-офицерского ранга не улучшало материального благосостояния. Майор Ширванского полка Иов Асеев имел всего-навсего четыре души в Пронском уезде Рязанского наместничества, а майор 20-го егерского полка Михаил Гедеин числил за собой две души в Ялуторовском уезде (он сам был местным уроженцем, «из дворян Сибирской губернии»)¹⁷. А среди обер-офицеров типичными выглядели, например, такие показатели: в Ширванском полку у штабс-капитана Николая Левашова было три души в Симбирском наместничестве, у поручика Никиты Мокринского — 10 душ в Пронском уезде, у прапорщика Андрея Веденяпина — пять под Саратовом.¹⁸

Почти в половине случаев, правда, владельцами имений офицеры указывали своих родителей. Нам удалось выявить 50 чел., которые заявляли, что за их отцом или матерью состоят крепостные. Среди них также встречалось всего несколько довольно зажиточных помещиков средней руки, большинство составляли мелкопоместные дворяне. У подпоручика Томского полка Михаила Чертова отец владел 51 душой в разных уездах Калужского и Орловского наместничеств, отец штабс-капитана Ширванского полка Петра Абазы имел 106 душ в Воронежском наместничестве, а за отцом подпоручика того же полка Андрея Брежинского числилось 138 душ в Новгородском наместничестве.¹⁹ Но куда более распространенными для родительских владений оказывались цифры от 20 до 50 душ (у 15 чел.) и менее 20 душ (у 32 чел.). Майор Иркутского полка Федор Борисов показал за своим отцом 25 душ в Торопецком уезде, майор Сибирского полка Петр

¹¹ Здесь и далее все подсчеты сделаны нами по материалам указанных выше архивных дел.

¹² Обер-офицерскими детьми назывались сыновья гражданских чиновников недворянского происхождения, имевших чины «обер-офицерских» классов — от XIV до XI по Табели о рангах, дававшие не потомственное, а только личное дворянство, и сыновья офицеров недворянского происхождения, которые родились до получения их отцами первого офицерского чина, приносившего дворянство. См.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 66. Аналогично штаб-офицерскими детьми назывались сыновья офицеров, дослужившихся до чинов, начиная с секунд-майора и выше.

¹³ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 470б.—48.

¹⁴ См.: Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 259—268.

¹⁵ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 20б.—3, 230б.—24.

¹⁶ См.: Там же. Д. 2573. Л. 610б.—62; Д. 1619. Л. 1070б.—108.

¹⁷ См.: Там же. Д. 1619. Л. 870б.—88; Д. 1751. Л. 50б.—6.

¹⁸ См.: Там же. Д. 1619. Л. 960б.—97, 1010б.—102, 1140б.—115.

¹⁹ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1603. Л. 240б.—25; Д. 1619. Л. 940б.—95, 1090б.—110.

Михайлов — 36 душ за отцом в имении Арзамасской округи Нижегородского наместничества.²⁰ Мать майора того же Иркутского полка Александра Охлябинина владела 18 душами в Пензенском наместничестве, а у братьев Александра и Петра Тепловых, служивших поручиками в 20-м егерском полку, отец имел там же пять душ.²¹

Остальные 35 чел. характеризовались в списках одной и той же стереотипной фразой: «За ним мужеска полу душ не имеется». При этом среди них обнаруживаются и двое штаб-офицеров — майор Селенгинского полка Федор Голенищев-Кутузов (уроженец Псковской губернии) и майор Иркутского полка Федор Воейков (из Калужской губернии).²² Таким образом, мы заключаем, что ровно треть от общего числа офицеров-дворян в полевых полках Сибирской дивизии вообще были беспоместными, а из 70 чел., имевших хоть какие-то владельческие права, указывали за собой или своими родственниками более 50 крепостных душ всего пятеро, от 20 до 50 душ — 20 чел., и менее 20 душ — 45 чел. Как отмечали современные исследователи, именно в павловские годы «у “низкородного” дворянства появился дополнительный стимул к службе».²³ Однако среди офицеров сибирских полков мы обнаруживаем и представителей достаточно аристократических фамилий (Воронцовы, Голенищевы-Кутузовы). Поэтому здесь, скорее, следует говорить о том, что по-прежнему, как и в течение всего XVIII столетия, проявлялась чрезвычайно высокая степень гетерогенности «благородного сословия» Российской империи, в рядах которого значительную долю, если не большинство, к этому времени составляли мелкопоместные или даже неимущие дворяне, не отвечавшие установленному Екатериной II в европейской части страны имущественному цензу для участия в местном корпоративном самоуправлении (выборы в дворянских собраниях) и предпочитавшие службу как источник средств к существованию, пусть даже в столь отдаленном регионе, как Сибирь.

Дети кадровых офицеров, выслуживших себе дворянство, также представляли собой весьма «пеструю» группу. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что более трети из них (30 чел.) были сыновьями офицеров, служивших в частях Сибирского корпуса в ека-

терининскую эпоху. Здесь мы не имеем возможности подробно рассматривать эту группу лиц, проблеме формирования офицерских «династий» в сибирском социуме необходимо посвятить специальное исследование. Заметим только, что некоторым из этих людей к концу XVIII в. удалось даже превзойти чины, достигнутые их отцами. Так, обер-офицерский сын Василий Шангин сделался майором 20-го егерского полка, хотя ему, вероятно, помогло то обстоятельство, что, начав службу в Селенгинске, он впоследствии несколько лет провел в полках, дислоцированных в Европейской России, откуда снова вернулся в Сибирь уже в чине поручика.²⁴ А майор Иркутского полка Степан Головачев, напротив, был уроженцем Владимирского наместничества и, поступив там на гражданскую службу, вскоре добился зачисления в лейб-гвардию, откуда был «выпущен» в полки Сибирского корпуса также в чине поручика.²⁵

Лишь незначительно снизилась за 10 лет доля офицеров, происходивших из непривилегированных социальных групп (16 % против 18 %), хотя уже действовал изданный 17 апреля 1798 г. императорский указ о запрете производства унтер-офицеров недворянского происхождения в прапорщики (первый обер-офицерский чин, дававший дворянство). Однако в составе четырех из шести полевых полков мы обнаруживаем людей, получивших обер-офицерский чин (причем даже не прапорщика, а сразу подпоручика!) уже после этой даты. Данное обстоятельство выглядит тем более удивительным, что указы о производстве в обер-офицеры по всем армейским частям из недели в неделю и из месяца в месяц визировал сам император. Современные исследователи утверждали, что «доступ к офицерским чинам для недворян был с 1798 г. запрещен вообще; лишь возросшие потери среди командного состава заставили впоследствии отказать от этого запрета».²⁶ Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что запрет скорее не соблюдался с самого начала. Яков Лубянов получил производство из унтер-офицеров в подпоручики Селенгинского полка 7 марта 1799 г., Андрей Кузнецов стал подпоручиком из сержантов в Томском полку 16 декабря 1798 г., Иван Зверев получил аналогичное повышение в Ширванском полку

²⁰ См.: Там же. Д. 2375. Л. 50об.-51; Д. 2573. Л. 48об.-49.

²¹ См.: Там же. Д. 2375. Л. 49об.-50; Д. 1751. Л. 49об.-50.

²² См.: Там же. Д. 1575. Л. 4об.-5; Д. 2375. Л. 48об.-49.

²³ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 194.

²⁴ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1751. Л. 4об.-5.

²⁵ См.: Там же. Д. 2375. Л. 49об.-50.

²⁶ Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Указ. соч. С. 194.

6 июня 1798 г., Афанасий Бердюгин и Алексей Банников сделали подпоручиками из унтер-офицеров в 20-м егерском полку 7 декабря 1798 г. и 2 августа 1799 г. соответственно.²⁷ Все эти люди по своему происхождению показывались в списках «солдатскими детьми».

Да и в целом, пожалуй, нет оснований полагать, что в период правления Павла I выходцам из «неблагородных» верховная власть стала каким-то образом затруднять продвижение по службе. С. А. Нефедов писал, что «Павел утвердил монополию потомственных дворян на офицерские должности и отправил в отставку всех офицеров-недворян».²⁸ Однако вряд ли можно согласиться с таким обобщающим утверждением. Как уже отмечалось выше, шестеро из 29 штаб-офицеров (чуть более 20 %) являлись выходцами из низов, причем некоторые из них получили штаб-офицерский чин именно в павловское царствование. Драгунский сын Данила Жарков был произведен в Томском полку из капитанов в майоры как раз в 1798 г., солдатский сын Василий Вяткин пожалован подполковником в сентябре 1797 г., а уже через год сделан полковником и командиром Ширванского полка.²⁹ В 20-м егерском полку майорский чин получили в 1798 г. двое сыновей гражданских чиновников — Афиноген Юрлов («из регистраторских детей») и Карл Неков (сын надворного советника), а в Сибирском полку в 1797 г. стал майором солдатский сын Яков Лосев.³⁰ Как видим, продолжалось производство не только из унтер-офицеров в обер-офицерские чины, но и повышение из обер-офицеров до штаб-офицерских чинов.

Наконец, среди лиц этнически нерусского происхождения на военной службе в Сибири стали появляться такие «экзотические» личности, которых до конца XVIII в. здесь невозможно было встретить вовсе: греки, сербы, далматинцы. Капитан Селенгинского полка Андрей Иванов жил в России с 1775 г., будучи «из греков города Галстуни старостин сын, службу российскую принял с вечным подданством», поручик Ширванского полка Данило Дунав, «архонской сын» из Константинополя, в 1784 г. поступил для обучения в сформиро-

ванный Екатериной II «корпус чужестранных единоверцев» (или Греческий кадетский корпус), после чего начал военную службу, а показывавший себя «из греческих дворян Турецкой области города Адрианополя» Ставро Каракашев, прибывший в Россию в 1791 г., теперь был прапорщиком Сибирского полка.³¹ Среди штаб-офицеров Ширванского полка мы находим одного из представителей семейства сербских графов Ивеличей — майора Петра Ивелича, который в 1788 г. перешел на службу в русскую армию из капитанов Венецианской республики. А вместе с ним в рядах того же полка служили сразу трое «сербской нации венгерских дворян» Перцовых: Василий (в чине майора), капитан Иван и подпоручик Павел. Можно предположить, что все они были близкими родственниками, а странное сочетание сербского происхождения и венгерского дворянства объясняется тем, что они принадлежали к дворянскому роду, в свое время эмигрировавшему в Австро-Венгрию, спасаясь от турок. Правда, установить их подлинную фамилию нет возможности, ведь использованное в формулярных списках написание «Перцов» явно является лишь русским эквивалентом. Еще одним из балканских славян в полку оказался поручик Николай Шпарович, «уроженец Венецианской республики, славянской нации, греческого исповедания, из дворян», с начала Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. вступивший в ряды русской армии сержантом.³²

Обращает на себя внимание группа французских роялистов-эмигрантов в Сибирском полку, шефом которого, как отмечено выше, был назначен граф Виомениль. Вместе с ним в составе полка в 1798 г. оказались еще двое его соотечественников, получивших чин майора — граф Осип Долон (Габриэль Жозеф д'Оллон), будущий генерал русской армии, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, и маркиз Виктор де Тустен, впоследствии вернувшийся на родину.³³ Не забудем и о том, что командиром этого полка являлся представитель рода французских гугенотов, эмигрировавших в Россию еще в петровскую эпоху, — подполковник Антон Скалон, сын генерал-поручика А. Д. Скалона, в 1770-х гг.

²⁷ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 290б.–30; Д. 1603. Л. 260б.–27; Д. 1619. Л. 1110б.–112; Д. 1751. Л. 550б.–57.

²⁸ Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. М., 2010. Т. 2. С. 191–192.

²⁹ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1603. Л. 110б.–12; Д. 1619. Л. 840б.–85.

³⁰ См.: Там же. Д. 1751. Л. 30б.–4, 60б.–7; Д. 2573. Л. 480б.–49.

³¹ См.: Там же. Д. 1575. Л. 90б.–10; Д. 1619. Л. 1030б.–104; Д. 2573. Л. 700б.–71.

³² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 860б.–87, 880б.–89, 930б.–94, 1100б.–111, 1020б.–103.

³³ См.: Там же. Д. 2573. Л. 500б.–51. Мемуары де Тустана были изданы во Франции в первой половине XX в.: *Memoires du marquis de Toustain. 1790–1823.* Paris, 1933.

командовавшего Сибирским корпусом.³⁴ Семейные «династии» выходцев из Европы, попавших в Россию, вообще были не редкостью среди офицеров сибирских армейских частей в рассматриваемый период. Штабс-капитан Селенгинского полка Александр Гренинг оказывается сыном поручика Иоганна Гренинга, прусского уроженца, служившего в Сибири в 1770-х гг., его сослуживцы поручики Карл и Егор Винклеры были детьми саксонского дворянина Теодора фон Винклера, секунд-майора и командира Колывано-Воскресенского полевого пехотного батальона в 1786 г.³⁵ А в Томском полку вместе служили отец и сын де Анекарты (Иван — майор, Адриан — поручик), потомки испанского дворянина Матиаса де Аникарта, прибывшего в Россию еще в 1740 г. и отправившегося в Сибирь в составе Луцкого драгунского полка.³⁶ Список подобных примеров можно продолжать и дальше.

Казалось бы, выявленное нами формирование, если можно так выразиться, династий потомственных военных, где отцы могли передавать сыновьям в процессе семейного воспитания свой опыт и служебные навыки, должно свидетельствовать о повышении профессионализма офицерского корпуса в полевых частях Сибирской дивизии. Но ряд других данных никак не позволяет с этим согласиться. Начать с того, что в 1798–1799 гг. более половины офицеров сибирских полевых полков были достаточно молодыми людьми: 153 чел. находились в возрасте до 30 лет включительно, 89 чел. имели возраст от 31 года до 40 лет, и лишь 27 чел. были старше 40 лет. А в Томском полку, например, совсем юных офицеров (возрастом до 20 лет включительно) оказалось даже больше, чем людей в возрасте от 41 года и более — семеро против пятерых соответственно. Более того, омоложение захватило и командный состав, поскольку восемь штаб-офицеров принадлежали к возрастной группе от 21 года до 30 лет. Более трети всех этих людей (94 чел.) находились на военной службе в течение 10 или менее лет. А если принять во внимание широко распространенную еще в екатерининскую эпоху практику формального зачисления на службу в детском возрасте, то можно утверждать, что

и те 114 чел., у которых формально служебный стаж насчитывал от 11 до 20 лет, действительно пребывали в рядах регулярной армии на как минимум несколько лет меньше.

Хотя считается, что сразу после восшествия на престол император Павел очистил ряды армейского офицерства от числившихся на службе лиц, еще не достигших совершеннолетия, и в дальнейшем не допускал отступлений от порядка чиноположения, нам удалось выяснить, что эта мера коснулась не всех «недорослей». В Томском полку мы обнаруживаем людей, избежавших отставки по малолетству, как, например, штабс-капитан Яков Посников, которому в 1796 г. исполнилось только 16 лет, но он уже был подпоручиком 2-го егерского батальона, а после перевода в полк в начале 1797 г. сразу сделался поручиком.³⁷ Кроме него в полку находились сразу четверо 16- и 17-летних подпоручиков, зачисленных на службу в 13–14-летнем возрасте как раз с 1796 г. капралами, а то и сразу сержантами. Судя по всему, о карьере своих детей позаботились их отцы, бывшие офицеры, занимавшие должности в местных судебных учреждениях. Так, братья Осип и Петр Годлевские были детьми происходившего из смоленских дворян капитана Осипа Годлевского, в 1791 г. числившегося исправником нижнего земского суда в г. Кузнецке, а отец Ивана Девилленева (де Вильнева), тоже Иван, в 1795 г. состоял председателем Томской верхней расправы в чине коллежского асессора, ранее дослужившись в Сибирском корпусе до капитанского чина.³⁸ Родоначальником этой династии был француз-католик, полковник Томас де Вильнев, в 1760-х гг. занимавший в Томске должность коменданта.

Лица же, имевшие практический опыт участия в тех или иных боевых действиях, теперь вообще составляли в рядах офицеров ничтожное меньшинство. Если за 10 лет перед этим в сибирских полевых частях ровно треть людей в офицерских чинах были боевыми ветеранами,³⁹ то в последние годы XVIII столетия этот показатель упал до 15%: участвовали за время службы в военных кампаниях только 42 чел. Даже среди штаб-офицеров их число не дотягивало и до половины, составляя

³⁴ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2573. Л. 47об.–48. Скалон-младший впоследствии погиб в сражении под Смоленском 5 августа 1812 г. См. о нем: Альбовский Е. А. Указ. соч. С. 106–108; Каменецкий И. П. Генералы Скалоны в России (1735–1812 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 4. С. 41–45.

³⁵ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 150б.–16, 190б.–21.

³⁶ См.: Там же. Д. 1603. Л. 110б.–12, 220б.–23.

³⁷ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1603. Л. 180б.–19.

³⁸ См.: Там же. Л. 260б.–28. См. также: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1791. СПб., 1791. С. 348; Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1795. СПб., 1795. С. 354.

³⁹ См.: Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 281, 282.

всего 14 чел. При этом у некоторых как факт того, что они «в походах находились», могла квалифицироваться служба не в сухопутных войсках, а в военно-морском флоте. Скажем, у командира Селенгинского полка полковника Густава Бриммера в послужном списке говорилось о том, что он в 1788 г. в течение восьми месяцев «находился по именному повелению на корабле волонтером», а один из его подчиненных в том же полку, капитан Петр Широков, с 1780 по 1784 гг. выполнял несколько рейсов из Кронштадта в Европу на военных фрегатах Балтийского флота.⁴⁰ Тех же, кто воювал против турок и шведов на рубеже 1780–1790-х гг. или участвовал в подавлении польского восстания в середине 1790-х гг., было совсем немного. Все это заставляет усомниться в высокой боеспособности полевых частей Сибирской дивизии к рубежу XVIII–XIX вв., хотя понятно, что серьезной военной угрозы извне для владений Российской империи за Уралом на тот момент не возникало.

Весьма распространенным явлением в сибирских полках, как и во всей русской армии, стало в павловские годы ускоренное чинопроизводство. Хотя уже к концу екатерининской эпохи срок выслуги каждого обер-офицерского чина сократился с пяти до двух или трех лет, теперь многие офицеры стали получать повышение в чине почти каждый год. В составе Иркутского полка бывшие в 1796 г. еще только поручиками дворяне Федор Борисов и Алексей Мошенский в 1797 г. оказались произведены в капитаны, а в 1798 г. стали уже майорами. Их сослуживец Иван Тараборский (даже не из дворян, а из обер-офицерских детей) воцарение Павла встретил в чине прапорщика, но через год стал подпоручиком, еще через год — поручиком.⁴¹ А дворянин Федор Стерлигов из 20-го егерского полка вообще повышался в чине трижды: будучи переведен из Сибирского полка прапорщиком в 1797 г., стал в конце того же года подпоручиком, в 1798 г. — поручиком, в 1799 г. — уже штабс-капитаном. Его однополчанин, солдатский сын Иван Бобылев, подпоручик в 1797 г., точно так же в 1798 г. получил чин поручика, в 1799 г. — чин штабс-капитана.⁴² Как видим, даже в полках Сибирской дивизии перед офицерами открывались большие возможности в короткий срок сделать карьеру.

Помогала, разумеется, и служба в лейб-гвардии. Нам уже приходилось отмечать, что в 1780-е гг. в полевых частях Сибирского корпуса насчитывалось немало лиц, получивших обер-офицерские чины после прохождения через гвардейские полки, будучи «выпущенными» в армию.⁴³ А к концу XVIII в. бывших гвардейцев среди офицеров полевых полков Сибирской дивизии оказалось 84 чел. из 269 (то есть более 30%): девять штаб-офицеров и 75 в обер-офицерских чинах. При этом, хотя большинство из них были выпущены из гвардии в армию с присвоением чина прапорщика или подпоручика еще в последние годы правления Екатерины II (у многих указана дата 1 января 1796 г.), данная практика продолжалась и в павловские годы. Так, упомянутые выше братья Карл и Егор Винклеры после службы в Семеновском полку с 16 января 1795 г. по 26 декабря 1796 г. отправились в Селенгинский полк армейскими подпоручиками, а в состав Иркутского полка император своим высочайшим повелением от 12 марта 1798 г. «пожаловал» сразу троих унтер-офицеров из конной гвардии: Алексея Булыгина, Александра Соловьева и малороссийского дворянина из Киевской губернии Савву Ищенко.⁴⁴ Таким образом, лейб-гвардия продолжала оставаться источником пополнения офицерских кадров для полевых армейских частей.

Зато другое распространенное представление — о массовости и строгости наказаний военнослужащих как следствии «закручивания гаек» и наведения порядка в армейских рядах — не находит подтверждения в сибирских материалах. Из всех 269 чел. только у 13 в послужных списках было указано, что они находились под военным судом, при этом лишь пятеро были подвергнуты каким-либо наказаниям уже в царствование Павла. Поручик Селенгинского полка Юрий Шпиноль («из греческих дворян Черниговского наместничества»), «будучи командирован в Москву для построения парадных штаб- и обер-офицерских вещей за самовольной оттоль в Санкт-Петербург и в город Ирбит въезд и за праздное там немаловажное проживание», в 1797 г. просидел месяц под арестом на гауптвахте.⁴⁵ Капитан Ширванского полка Алексей Петровский (уроженец Варшавы, польский шляхтич, пере-

⁴⁰ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 1аоб.–2, 10об.–11.

⁴¹ См.: Там же. Д. 2375. Л. 50об.–51, 59об.–60.

⁴² См.: Там же. Д. 1751. Л. 45об.–47.

⁴³ См.: Дмитриев А. В. Указ. соч. С. 295–298.

⁴⁴ См.: РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1575. Л. 19об.–21; Д. 2375. Л. 64об.–65.

⁴⁵ Там же. Д. 1575. Л. 18об.–19.

шедший на русскую службу) тогда же был под следствием «по претензии вверенной ему роты нижних чинов в забрании у них из оставшаго от употребления провианта и в употреблении нижних чинов в партикулярныя услуги без заплаты денег». Хотя подобные нарушения закона Павел предписывал карать максимально строго, в данном случае, «как они со обеих сторон по поданному мировому прошению решились с заплакою просителям причитающихся денег», поляк отделался всего лишь пятидневным арестом.⁴⁶ Майора 20-го егерского полка Гедина в 1798 г. инспектор Сибирской дивизии генерал-лейтенант Горчаков распорядился арестовать на месяц «за ослушание и за грубые рапорты, писанные начальству», а служившие в том же полку поручиками братья Михаил и Андрей Васковы (ярославские дворяне) получили по месяцу ареста каждый «по имянному его императорского величества повелению за подачу об отставке от службы в неуказное время прошения».⁴⁷

Более того, даже отметка о «штрафах и наказаниях» не влекла за собой отказа в дальнейшем чиновпроизводстве. В полковых списках квалифицировались недостойными этого («к повышению не аттестуется») всего 12 чел., но понесших наказания среди них было только четверо из упомянутых выше 13 офицеров. Это были тот же поручик Шпиноль («впредь до того времени, пока он не заслужит хорошаго о себе внимания по службе»), а также трое офицеров Ширванского полка: поручик Никита Мокринский, подпоручики Михаил Морозов и Артемий Соболев. Первый с 1794 по 1796 гг. находился под судом за «неисправное доставление» в Тобольск из Казани мундиров и амуниции и за утрату при этом более 2 тыс. руб. казенных денег, хотя большую часть этой суммы (более 1 800 руб.) удалось вернуть: «На облегчение ему от жестокаго нещастия собрано для взнесения в число вышеписанной потерянной им суммы по произволу господина генерал-порутчика и разных орденов кавалера Густава Густавовича Штрандмана и ото всех Сибирскаго корпуса господ штаб- и обер-афицеров, также и протчих благородных людей».⁴⁸ Морозов в 1795 г. не усмотрел за своей ротой в

крепости Лебяжьей по Ишимской линии, когда подчиненные ему солдаты устроили драку с обывателями у питейного дома, в которой один рядовой был убит выстрелом из ружья, а Соболев в том же году учинял «разныя непристойности и шумства».⁴⁹ Относительно еще восьми человек никаких подробностей в списках не приведено, использованы краткие формулировки типа «за дурной поступок», «за дурное поведение», «за нерасторопность», «по неприлежному поведению», а то и просто «до поправления». Таким образом, дисциплинарные показатели офицеров в полевых частях Сибирской дивизии находились, можно сказать, на высшем уровне.

Таким образом, изученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что военные преобразования Павла I были реализованы в отношении полевых полков Сибирской дивизии все же не в полном объеме. В частности, в этих полках продолжалось производство лиц недворянского происхождения в обер-офицеры, не были исключены из службы некоторые из зачисленных в ряды армии еще несовершеннолетними. Дисциплинарные показатели также не дают оснований полагать нормы несения военной службы чрезмерно жесткими, вопреки расхожему мнению о введенной императором излишней строгости и массовых наказаниях армейских офицеров. Вместе с тем проанализированные нами изменения кадрового состава офицерского корпуса в полевых частях свидетельствуют, что при сохранении своих базовых характеристик — разнородного социального и этнического происхождения военнослужащих — эти войска почти утратили свое значение как боевая сила в регионе, как в силу крайней молодости большинства офицеров, так и из-за отсутствия у них соответствующего военного опыта. Хотя, как известно, впоследствии полки 24-й (бывшей Сибирской) дивизии принимали участие во многих сражениях Отечественной войны 1812 г., при этом они уже не были связаны с территорией Сибири, поскольку оказались выведены с «восточной окраины» Российской империи в 1808–1810 гг.

Andrei V. Dmitriev

Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University (Russia, Novosibirsk)

E-mail: khaldeus@academ.org

⁴⁶ Там же. Д. 1619. Л. 93об.–94.

⁴⁷ Там же. Д. 1751. Л. 50б.–6, 510б.–52.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1619. Л. 1010б.–102.

⁴⁹ Там же. Л. 1060б.–107, 1080б.–109.

PERSONNEL OF THE OFFICER CORPS IN SIBERIAN DIVISION'S FIELD
REGIMENTS AT THE END OF THE 18TH CENTURY

The paper attempts to identify the features inherent in the military reforms of Emperor Paul I (1796–1801) on a regional scale, on the territory of Siberia. The personnel composition of the staff and chief officer ranks of the field regiments of the Siberian Division is considered according to the data for 1798–1799. The parameters such as the age and social origin of officers, the time of their military service and combat experience, disciplinary indicators are analyzed. As a result of the research, it was found that not all of Paul I's innovations were put into practice in the field units of the Russian army stationed in Siberia by the end of the 18th century. In particular, the Russian nobles made up a significant but not dominant group among the officers, and most of them belonged to small-scale or had no serfs at all. The group of hereditary military, persons of non-noble origin, staff and chief officers' children, was increased. Neither the widespread idea of the predominance of foreigners in command positions during the reign of Paul I, nor the popular thesis about the massive spread of severe disciplinary punishments in the Russian army, could be confirmed. In addition, the reforms resulted in decreasing to a certain extent the combat capability of these units, as evidenced by the significant rejuvenation of the personnel of their officer corps and the obvious lack of experience of participation in hostilities among most officers.

Keywords: *Paul I, Russian army, field units, officer corps, Siberia, end of the 18th century*

REFERENCES

- Andreichuk S. V. [Siberian Inspection: Structure, Management and Deployment (1796–1808)]. *Istoricheskiy Ezhegodnik. 2010* [Historical Yearbook. 2010]. Novosibirsk: Parallel Publ., 2010, pp. 179–190. (in Russ.).
- Beskrovny L. G. *Russkaya armiya i flot v XVIII v. (Ocherki)* [Russia's Army and Navy in the 18th Century. (Essays)]. Moscow: Voenizdat Publ., 1958. (in Russ.).
- Dmitriev A. V. *Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796): osobennosti voyennoy sluzhby na "vostochnoy okraine" Rossiyskoy imperii v XVIII stoletii* [Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): Features of Military Service on the "Eastern Outskirts" of the Russian Empire in the 18th Century]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. (in Russ.).
- Fabrika Yu. A. *Sibirskiy shchit (stanovleniye sibirskogo voinstva i voyennyye deyateli Sibiri)* [Siberian Shield (The Formation of the Siberian Army and the Military Figures of Siberia)]. Novosibirsk: Novosib. Poligrafkombinat Publ., 2001. (in Russ.).
- Kamenetsky I. P. [Generals Skalon in Russia (1735–1812)]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2015, vol. 22, no. 4, pp. 41–45. DOI: 10.15372/HSS20150408 (in Russ.).
- Kersnovsky A. A. *Istoriya russkoy armii: V 4 t.* [History of the Russian Army: In 4 Vols.]. Moscow: Golos Publ., 1999, vol. 1: From Narva to Paris, 1700–1814. (in Russ.).
- Leonov O. G., Ulyanov I. E. *Russkaya pekhota, 1698–1801: Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian Infantry, 1698–1801: Combat Chronicle, Organization, Uniforms, Weapons, Equipment]. Moscow: AST Publ., 1995. (in Russ.).
- Nefedov S. A. *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [History of Russia. Factor Analysis]. Moscow: ID "Territoriya budushchego" Publ., 2010, vol. 2. (in Russ.).
- Rostov N. D. *Zemli Altayskoy vernyye syny. Iz istorii doblesti i chesti voinskoy sibirskikh polkov* [The Altay Land's Loyal Sons. From the History of Valor and Honor of the Military Siberian Regiments]. Barnaul: AltGTU Publ., 2005. (in Russ.).
- Tatarnikov K. V. [Preface]. *Posluzhnyye i smotrovyye spiski russkoy armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhdofundovyy ukazatel'* [Service and Inspection Lists of the Russian Army of 1730–1796 in the RGVIA Collection. Inter-Fund Index]. Moscow: Staraya Basmannaya Publ., 2013, vol. 1, pp. 3–42. (in Russ.).
- Volkov S. V. *Russkiy ofiterskiy korpus* [Russian Officer Corps]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. (in Russ.).
- Yurkevich E. I. *Voyennyy Peterburg epokhi Pavla I* [Military Petersburg of the Era of Paul I]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2007. (in Russ.).

Для цитирования: Дмитриев А. В. Кадровый состав офицерского корпуса полевых полков Сибирской дивизии в конце XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 158–166. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-158-166.

For citation: Dmitriev A. V. Personnel of the Officer Corps in Siberian Division's Field Regiments at the End of the 18th Century // Ural Historical Journal, 2023, no. 1 (78), pp. 158–166. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-158-166.